

## Юрий Чирков

— Еремей, в справочнике «Писатели Москвы» за 1987 год я насчитал у вас 35 произведений. Сколько их сейчас? Айзек Азимов, фантаст-американец, мечтал написать тысячу книг, а успел, вероятно, сотни четыре. У вас есть такая гигантомания?

— Нет: я четко ориентируюсь, если не в пространстве, то во времени. С того времени книг 12 у меня вышло.

— Вы окончили Московский торфяной институт в 1959 году и пошли по научной стезе, так?

— В 1964 году я защитил кандидатскую диссертацию. Тема — водные растворы углеводородов. Чистая физическая химия. Теоретические вопросы происхождения нефти.

— Как стали фантастом? Не Емцев ли, ваш соавтор по первым книгам, попутал?

— В какой-то мере. Я работал в Институте горючих ископаемых Академии наук, там познакомился с Емцевым. Он был младшим научным сотрудником. Институт меня поразил возможностями: роскошная библиотека, великолепные лаборатории — а, с другой стороны: полнейшая рутина. Время было довольно интересное: только что был синтезирован антипротон, победно развивались генетика, биофизика — не сегодня завтра ожидался великий переворот в науке. И то, чем не удавалось заниматься в институте, дополняла фантазия.

— Ну, а поворотный миг — когда вы почувствовали себя фантастом? Или это трудно сказать?

шения ни к фантастике, ни к литературе. А подлинная фантастика, если взять научную фантастику, она может быть и не связана напрямую с наукой. Возьмем Гессе: «Паломничество в страну востока», «Игра в бисер» — там никакой науки нет, и тем не менее это фантастика и в какой-то мере научная. Блестящий образец научной фантастики создали Рабле и Свифт.

— Великие утописты прошлого, начиная с Мора и кончая Лениным, — разве это не научная фантастика? Разве Маркс — не научный фантаст?

— Но романистом Маркса, думаю, назвать нельзя.

Писатель — он демиург, создатель вселенных. Творит какой-то мир, по каким-то особым законам, и исследует его. Другое дело, что, может, модель-то у тебя получилась неинтересная или противоречивая, по твоим же законам распадающаяся, но это уже твоя беда. Но если эксперимент получится достаточно впечатляющим, то он приобретает могучую силу. Взять, допустим, роман Оруэлла «1984» — великолепный эксперимент! Ничего не скажешь.

— Как приходят замыслы книг?

— Иногда — мгновенно и случайно, а иногда вызревают в общем, годами или даже даются целой большими кусками жизни.

— Из материалистов и ученых наши соотечественники быстро — прошло 5—10 лет всего — перековались в верующих, мистиков, в людей, верящих астрологам, шаманам и даже колдунам. Как вам все это? Не раздражает?

— Это меня пугает, и вот почему. Слишком высок фон иррациональности в обществе. А это пред-

— Совершенно верно. Там во многих университетах преподают фантастику.

— И какой же в этом смысл — просто для культурной ориентации? Или это необходимые компоненты нормального развития человека?

— В различных университетах это решается по-своему. У них же нет единой государственной программы. Каждый университет действует независимо. В некоторых случаях считается, что фантастика имеет значение как хороший тренинг для развития мыслительных способностей, деловой сметки. А главное — фантастика позволяет находить неожиданные решения. Что в бизнесе очень важно, да и не только в бизнесе. В других случаях это делается специально для менеджмента, потому что применение фантастики в рекламе оказывается очень перспективным.

— У нас в стране долгие годы на фантастику смотрели как на литературу второго сорта.

— Литература второго сорта, говорите? А что считать сортом первым?

— Ну, «Войну и мир» Толстого, допустим.

— Нет. Это литературу на рабочую тему у нас считали литературой ПЕРВОГО сорта. Поэтому в системе этих ценностей фантастика и занимала положенное ей место. Это было государство рабочих и крестьян, а интеллигенция была прослойкой. Вот фантастика и была литературой для прослойки. Хотя власти прекрасно знали, насколько она, фантастика, популярна. И за ней следили и ее даже боялись. И одновременно не давали ее искоренить, потому что она нужна тем же физи-

# Еремей Парнов: Мы находимся в критической зоне

Сегодня. — 1996. — 26 янв. — с. 5.

— Нет, не трудно. Поскольку все в жизни в общем-то детерминировано и одновременно случайно. Я продолжал писать, занимался наукой, и научная карьера шла довольно успешно.

— О докторской не подумывали?

— Докторскую я практически написал. Вот-вот. Но тут меня избрали президентом Европейской ассоциации научных фантастов (1972 год), и я в один день взял да и подал заявление. В Союз писателей я был принят в 1966-м.

— Сколько фантастов в Союзе писателей тогда было: 10, 100?

— Их можно было пересчитать по пальцам. Ефремов, Стругацкие, Ариадна Громова — и все!

— Над чем вы сейчас работаете, какие планы?

— У меня давно — уже года полтора — на выходе книга. Очень большая и в роскошном оформлении. В издательстве «Терра». Называется «Сны фараона», (рабочее название «Кольца змея»). Жанр книги очень сложный: тут и религиозное, и мифология, и непосредственные впечатления участника походов, путешествий в Тибет и другие места. Я взял 12 центров основных древних цивилизаций и попытался показать, что основные сны богов — это, по сути, одно и то же. Различаются лишь, так сказать, лица, названия, символы и ритуалы у разных народов, но глубинный смысл божеств ЕДИН. Отправной точкой для меня стала теория Юнга об архетипах. Наше человеческое коллективное бессознательное. И я последовательно провожу своего читателя через эти 12 колец змея. Я хотел прикоснуться к этому ЕДИНОМУ, ощутить его веяние, все то, что мерещится за всем этим многоликим скопищем богов. Эту книгу я начал писать в тот момент, когда мне стало ясно, что Союз рушится. В 1989 году. Было ощущение последнего дня Помпеи.

— Вы член международных ассоциаций фантастов, что это за организации?

— Это созданная в 1979 году в Ирландии, в Дублине, Всемирная организация научной фантастики — в 1983-м я был избран ее вице-президентом. А еще есть Еврокон — Европейское общество научной фантастики, я там дважды избирался президентом.

— Вы были знакомы с Ефремовым?

— К Ефремову отношению было, как к учителю. Если говорить о каком-то влиянии, то только Ефремов оказал. И, если говорить о нашей писательской геноции, я не знаю, на кого он не оказал бы влияния. Он патриарх. И, главное, очень широкий человек — с ним можно было говорить на самые разные темы. Блестяще знал математику, обожал то, что я любил, — древние цивилизации. У него были три великих любви! Эллада, древняя Индия и древнее славянство. Хорошо знал Тибет, потому что проводил раскопки в Монголии, и дом его хранил черты дальних странствий, экспедиций.

— Что такое писатель-фантаст?

— Лично я никогда не называл себя писателем-фантастом, считаю себя просто писателем. Я не чужуюсь названия «фантаст» — просто не вижу здесь особого жанра, вот в чем дело. То, что у нас понимается под фантастикой, на самом деле это масскульт, не имеющий отно-

полагает полную утрату каких-то рациональных критериев. Это одновременно охватывает и толпу, и власть. И надеяться на то, что жизнь пойдет по каким-то разумным законам, в том числе и по законам экономическим, в такой атмосфере не приходится. Не говоря уже о том, что иррациональность подобная всегда чревата взрывами каких-то экстремистских течений. Не случайно все тоталитарные системы мистичны в своей основе.

— Ну и что же — ждать, когда рассосется?

— Думаю, что нужно ждать. Кроме того, существует такая вещь, как конец века. И не случайно к концу века, тем более тысячелетия, всегда приурочены какие-то взрывы мистических настроений. И перевороты мы тоже получали к концам веков: взять рубеж XVIII—XIX века — Французская революция, XIX—XX — Первая мировая война, Русская революция и нацизм в Германии, ну и сейчас мы переживаем разрушение великой Империи. Это неизбежный процесс, который надо перетерпеть.

— Что происходит сейчас с зарубежной фантастикой?

— Она живет довольно стабильно. Там хорошо развита инфраструктура, эти так называемые фан-клубы. И все движение фан-клубов, фан-дом (королевство фанов) — это колоссальное движение, многомиллиардный бизнес. Тут и справочники, и майки, и пластинки, и кассеты, заказы клубам на книги, и экранизация этих книг, и производство фильмов, в том числе и видеофильмов, клипов. Это могучая индустрия, связанная с рекламой и с чем угодно. И люди с крепко установившейся репутацией и авторитетом не бедствуют. А те, кто взошел на пик, как, допустим, Стивен Кинг или режиссер Спилберг с его лентами, вообще миллионеры.

— А не считаете ли вы, что вам НЕ СОВСЕМ повезло. Вы состоялись как писатель, известны во всем мире — это удача. Но, родись вы в Америке, могли бы быть сейчас, как Кинг, миллионером?

— Возможно, я состоялся бы и как миллионер, но вы же сами употребляли слово УДАЧА. Есть такая крылатая фраза о том, что история не имеет сослагательного наклонения. То же можно утверждать и про человеческую жизнь. На вопрос: какую бы ты эпоху для себя выбрал, слышишь ответ: XVIII век, XIX век. Начинаясь расправлять: человек видит себя придворным, дворняжником. Кто обращается к Древнему Риму, воображает себя императором. Но ведь, попав в ту эпоху, у тебя гораздо больше шансов стать крепостным, крестьянином, рабом, плебеєм. Отчего-то об этом как-то не думаешь. И потом, даже если ты считаешь, что ты с твоими способностями и запросами непременно пробыл, разве это избавляет от проблемы СЛУЧАЯ? Разве знаешь, на каком повороте твою машину занесет и выбросит, какой самолет под тобой разобьется? Поэтому пытаться думать, как было бы где-то, где тебя не было, абсолютно бессмысленно — я никогда об этом не размышлял, потому что изначально знаю: человек — игрушка слепых сил.

— Я слышал, что в США и Канаде во многих высших учебных заведениях и колледжах читаются курсы научной фантастики. Есть и специальные учебники...

кам, космонавтам. Все космонавты начиная с Королева были помешаны на фантастике. И был у нас такой фантаст Альтов, он создал специальную школу даже, где учил изобретательству на основе идей научной фантастики. И он вел реестр этих идей. Насколько я знаю, в Японии существуют при многих фирмах, таких как «Сони», «Мицубиси», исследовательские отделы, где очень внимательно занимаются научной фантастикой.

— В каком плане?

— В нескольких. Первое: непосредственно развитие каких-то оригинальных идей. Второе — дизайн предметов с перспективой. И третье — это реклама.

— Второе не понял. Это что-то вроде «От куртор»?

— Да. Вот «Тойота», крупнейший автомобильный концерн Японии. Он был спонсором первого международного конгресса научной фантастики в 1970 году. И японцы тогда же показывали под большим секретом машины 1980 года. Они говорили: вот посмотрите, какие мы предложим машины, — как вам кажется, какие машины будут в 1990 году: любые идеи принимались. Просто внешний вид. Тогда же состоялась Всемирная выставка в Осаке. Центром ее была «Башня Солнца» — символ развития технической цивилизации человечества. Эта башня была целиком сделана по проектам научных фантастов. И там решались такие вопросы, как подводные города, транспорт будущего, экспансия человека на другие планеты, передача энергии, — японцев интересовало все, но прежде всего идеи, второе — нетривиальное внешнее оформление и третье — реклама.

— Раз уж мы затронули тему денег, экономики, тему купли-продажи, столь модную у нас ныне, — она разрабатывалась в западной фантастике? Какие альтернативы ныне господствующей экономике были предложены? Я слышал, к примеру, об экономике даров, предложенной одним французским философом.

— Я не могу назвать произведение, которое было бы целиком посвящено этой задаче.

— Это слишком тривиально для западного общества?

— Для них это не проблема: тут все ясно — как и что. Четко известно, сколько надо вкладывать в рекламу, и они вкладывают. Другое дело — повышение эффективности; вот здесь фантастика играет как нигде колоссальную роль. У нас об этом даже не подозревают. У нас, как совершенно неграмотные в своем ремесле астрологи, — а астрология тоже наука — все высасывается из пальца: вот в этот день у нас хороший бизнес, в этот — плохой. Но это бред собачий, даже в основах астрологии. Точно так же и рекламмейкеры наши. Они не владеют ремеслом. Это — шарлатаны, которые используют таких же невинных шарлатанов бизнеса. Хотя очень точно известно, какой процент в рекламе должно занимать сознание, какой — подсознание. И вот воздействие на подсознание и является самым мощным двигателем в рекламе. Даже то, что я знаю в этой области, я бы мог, взяв любую рекламу, сказать, что нужно в ней изменить, какие слова нужно выбросить, какие добавить и какую придать ей форму, чтобы повысить эффективность этой рекламы, ну,

Оракулы

минимум на 20 процентов. Хотя я этим специально не занимался, но занимался подсознанием. И знаю, что такое власть подсознания. И как можно человека заставить сделать свой выбор.

— А какова роль символики в рекламе?

— Она огромна. Возьмем, к примеру, газеты. Пусть это будет полосу с объявлениями. Обычно все они имеют прямоугольную форму. Тогда как, скажем, квадрат, он, как древнейший символ, воздействует на человека особым образом. Как символ Земли, символ устойчивости — четырех углов, четырех направлений пространства, символ времени, поскольку четыре времени года. Это ведь все можно обыграть! А расположить не квадратом, в ромбом? Это уже два треугольника, а треугольник — древнейший символ огня и воды в зависимости от того, куда обращена вершина. Человек может не знать этих тонкостей, но архетип его ЗНАЕТ! И читающий газету непроизвольно обратит внимание на эти тайные сигналы. Из общей массы выделит именно это.

— Как научный фантаст, Еремей, вы просто обязаны быть еще и футурологом. Прошли декабрьские выборы, коммунисты победили, что, неужели мы вернемся в социализм? Какие у вас предчувствия?

— Вопрос закономерный — все об этом сейчас задумываются, но я не представляю, как на него можно ответить однозначно. Во-первых, еще есть время: 6 месяцев, особенно в условиях России, — это очень много...

— Много? Я думаю, это пустяк!

— Много. Возьмем, допустим, 1991 год. Что произошло тогда? Вспомните последнее время правления Горбачева. Когда он был и генеральный секретарь, и президент, и пытался проводить определенную политику. Как все заворачивалось назад и в то же время двигалось вперед. Как возникла компартия России, расколовшая, по сути, Союз, и как Верховный Совет России, где в основном были коммунисты, проголосовал за суверенитет России...

— Это был какой-то бесовский, я помню, год. Симметрия цифр — 1991 — буквально завораживала. Я тогда для себя отметил: в этом году обязательно должно случиться что-то решающее!

— Да-да. Но заметьте, в ЛЮБОМ году при нынешних условиях может случиться то же самое. Мы находимся в критической зоне, поэтому возможно все — и весь вопрос в ВЕРОЯТНОСТИ. Мы можем выделить примерно пять сценариев, наиболее правдоподобных. Оценить их шансы точно можно было бы на сегодняшний момент, проведя грамотный опрос общественного мнения. Целенаправленный: не только то, за кого кто будет голосовать. Вот тут как раз и нужен учет очень многих факторов и связей. И тогда можно было бы сказать, какой из сценариев имеет наибольший вес. Но даже такой анализ не учтет случайностей, которые у нас могут быть, поэтому в итоге ЧТО БУДЕТ? — не скажет никто! Угадать можно, но это уже гадание, потеря.

— Последний вопрос. Верите ли вы, что Россия действительно встанет на ноги? Достигнем ли мы перелом стабильности, когда не будем валиться от любого толчка?

— Ну, безусловно. Во-первых, великие страны, великие народы, великие культуры никогда не исчезают. Они исчезают эпихально. Каждой цивилизации определен некий срок жизни. Вот исчез Египет, но ведь он просуществовал тысячи лет. Исчез Рим, но он тоже тысячу, по крайней мере лет прожил. Но древний мир, конечно, отличается от нынешней технологической цивилизации. Сейчас вопрос о переломе мира, о доминанте тех или иных цивилизаций не стоит, поскольку создалась общечеловеческая цивилизация. Средства уничтожения, коммуникации, транспорт, полеты в космос — все это единит нас, поэтому-то о переломе мира не может быть и речи. Следовательно, Россия никуда не исчезнет, останется на своем месте. Могут быть какие-то пертурбации: что-то присоединится или отсоединится, но полное останется. А если взять пределы колебаний стабильности-нестабильности, — это ведь вас интересует? — то они подчиняются, как ни странно, 25—50-летнему циклу. Я думаю, это как-то связано с циклом Солнца.

— А мы находимся на гребне неустойчивости?

— Думаю, что да. И если верно предположение о связи с циклами Солнца и мне не изменит интуиция, то полагаю, что 10—15 лет нам предстоит еще какой-то тряска, а потом страна выйдет на стадию устойчивого роста, которая тоже не будет продолжаться бесконечно, но вынесет нас на какой-то более приличный уровень. Так мне кажется.

Старожов Еремей

26.1.96.